

БЕЗ ВЕСТИ

Автор: Черкасова

Время не стоит на месте. Особенно это заметно во времена войны. Когда мечи и луки уступают арбалетами, а те – сырому пороху и мушкетам. Старая эпоха неизбежно приходит к новой. Но воспоминания – они не исчезают. И минувшая война оставила в памяти всё самое худшее.

Именно тогда люди впервые почувствовали запах серы, а тела – жар пули. Но даже так никто не остановился. Наше королевство – теперь государство Остиль – совершенствовало вражеское оружие, переняло многие технологии и секреты павшего врага, познало газ и возможности пара. И вот, когда люди зашептались о строительстве некой железной дороги, в голову потекли мысли, сомнения – а для чего нужна была смерть? Вражда? Страдания?

Ведь в конечном счёте мир так и не избавился от врага – не нашел другого извне – он сам стал себе врагом. Когда лошади перестали быть друзьями. Когда мастерство уступило эффективности. А люди, вместо жара печи, ощутили пламень смерти. Но многие продолжают притворяться, что всё в порядке вещей.

Русый молодой человек, задумавшись, шёл вдоль рынка. На плечах его сидела простая фуфайка с высоким воротом, а в руках была плетенная корзинка. Он остановился у прилавка с овощами, прикидывая, что приготовит на ужин.

— Девушка, — раздался мужской, почти задорный голос за спиной, — что делать, если тебя считают без вести пропавшим?

Вопрос прозвучал открыто, и в нем не было ни тени шутки – только до странного тяжелая уверенность. Он говорил о себе. И люди, мельком слышавшие разговор, стали коситься на него – обходить стороной. Девушка, с которой он разговаривал, растерянно отводила взгляд и не торопилась давать ответ. А мужчина – высокий, в невзрачном камзоле, расшитом кожаными вставками с металлическими окантовками – резко рассмеялся. Громко, не насмешливо.

— Простите! У вас закурить не найдется? — вдруг спросил он.

Девушка почти судорожно достала свой портсигар и вытащила одну крутку, протянув её мужчине. Тот принял её и положил в рот. И так и ушёл. Даже не поджегши сигару. Просто свернул за угол и исчез – будто не бывало.

— Эй! — женщина за прилавком окликнула русого юношу, щелкая перед его лицом пальцами. — Парень! Как тебя там? Братъ чего будешь?

— Ханс, — машинально бросил он, продолжая провожать мужчину взглядом. Но потом наконец опомнился, неловко оборачиваясь: — Ох, простите! Мне, пожалуйста, шесть картофеля и морковь!

Женщина только фыркнула, проследив за его взглядом, и закинула всё в его корзину. Казалось, она не собиралась запоминать имя, которое произнесли в растерянности – в конце концов ей не нужно было его имя. Только медяки, которые Ханс неловко протянул ей, не отводя взгляд от угла, за которым скрылся мужчина. И юноша так и ушел с рынка, редкий раз оборачиваясь назад.

Он вошел в старое, осыпавшееся по стенам здание чуть ли не на окраине города. Поднялся в свою одинокую квартиру. Но на пороге застыл – он понял, что не помнит, как дошёл. Он не смог вспомнить проходящих мимо людей, поворотов по дороге. Ханс поставил корзину на пол и медленно опустился на стул, который чуть заскрипел под его весом.

Он поднял взгляд и осмотрел квартиру – ничего не изменилось. Всё та же пустующая однокомнатка. Та же мебель из старого дерева. И зеркало на стене напротив. Ханс медленно поднял взгляд и понял, что не узнает себя – не лицом, нет – глазами, под которыми залегли лёгкие тени. А всё остальное – русые, не уложенные волосы, темная кофта с воротом – ни новое. Он глубоко вздохнул, поднялся и прошелся по коридору, коснувшись рукой косяка прохода. В конце концов он поставил воду на плиту и принялся чистить картофель.

Ханс старался не думать – выбросить из головы всё, кроме картофеля и кастрюли. Но, когда вода на плите зашипела, а нож коснулся последнего овоща, юноша случайно полоснул себя по пальцу. Он чертыхнулся и пригубил рану. Порез не был глубоким, но достаточным, чтобы одна капля крови упала на

потертые половицы. Но Ханс этого не заметил. Он неловко закинул ложку соли и овощи в кастрюлю, закрывая её крышкой.

Пластырь, которым он заклеил порез, часто лежал на столе в куче других лекарств. Юноша не умел соблюдать порядок. У него не было явных друзей, что приходили бы в гости. Он даже не знал своих родственников, кроме родителей, которые погибли в войне – при осаде его родной деревни. Но он уже почти не помнил лиц – слишком давно это было.

Ханс отужинал, как обычно, в тишине. И лег спать на слегка скрипучую кровать, почти не переодеваясь – только снял кофту и брюки, под которыми были потрепанные подштанники. Очередная ночь, как и все.

Но с того дня изменился город. Вернее, всего один человек в этом городе. Ханс стал чаще видеть того мужчину на рынке – он прогуливался между покупателями с сигарой в зубах – только теперь ни с кем не разговаривал. Потом мужчина просто стоял за углом, когда Ханс сворачивал на работу – в простую контору писарей. А в последний раз мужчина переговаривал с соседом Ханса под окнами – простые мужские разговоры. Юноша старался не замечать его, жал плечами – мол, не его дело.

Но в конечном счёте, когда мужчина стоял у самих дверей квартиры Ханса, откинувшись на косяк, юноша не вытерпел.

— Вы, что, меня преследуете? — бросил он, останавливаясь напротив мужчины, чья сигара так и не была зажжена.

— С чего ты взял? — недоуменно усмехнулся тот.

— Да вы же следуете за мной попятам всю неделю! — Ханс откинул руку, не сдерживаемый – впервые – эмоциями.

— Я – без вести пропавший. Хожу, где хочу, — просто отвечал мужчина, скрестив руки на груди. — Это не одно и то же.

— Но как же? — Ханс запнулся и опустил взгляд в пол, пытаясь подобрать слова.

Но, когда всё же нашёл их и поднял голову, мужчины уже не было. И Ханс, продолжая стоять в пролёте с откинутой рукой, выглядел так, словно

говорил со стеной.

Ханс влетел – не зашел, не забежал – влетел в собственную квартиру, хлопнув дверью. И осел на пол, прижимаясь к двери спиной. Он просто не знал, как реагировать – и эмоции сами нашли себе выход в этом странном действии. Он сидел так еще какое-то время, впиваясь взглядом в пол. Пока в дверь не раздалось три знакомых стука.

Юноша перевел дыхание и медленно, не торопясь, открыл дверь. На пороге стоял тот самый сосед, переминаясь с ноги на ногу. Он был невысок, с легкой залысиной на висках, в очках и мешковатой простой одежде. Всегда приличный и разговорчивый. В руках он держал две газеты – одна свежая, утренней печати, а вторая – уже пожелтевшая, почти выцветшая.

— Здоровей, сынок! — обратился он по своему, протягивая газеты. — Я тут тебе новостей принес. О железячной дороге и о том мужичке, что со мной говорил, помнишь? Ты же тоже с ним говорил?

— Ах, да, конечно! — Ханс неловко принял макулатуру. — Спасибо вам!

— Ну, бывай, Хас! — бросил сосед и развернулся к своей квартире.

Ханс слегка кивнул, даже не поправляя его – привык, что тот не до конца проговаривал его имя. В итоге Ханс закрыл дверь – уже спокойно и с бумагами в руках.

Он разложил газеты на столе. Но не торопился их раскрывать. На новой газете кричал заголовок «Железо. Дорога в будущее или к пропасти?». Под заголовком – дата. Строительство железной дороги уже датировали следующим месяцем. Но Хансу не было до этого дела – его ничего не связывало с этим. Вместо этого, его взгляд упал на вторую, пожелтевшую бумагу.

Её заголовок зиял словами «Те, кто не вернулся». Ханс развернул газету и почти сразу узнал на фотографии того мужчину – такой же темноволосый, с незажженной сигарой в зубах и легкой, почти беззаботной улыбкой.

Пропавший без вести, но предположительно мёртвый генерал Рон Зэрит – посмертно награждённый предводитель отряда, что когда-то обосновывался на старой ферме за этим городом. Эти слова застряли комом в горле, хотя они

даже не были произнесены вслух.

Ханс слегка побелел, сжав края газеты. Он понимал – если в городе, значит жив. Но что-то заставило похолодеть в груди. Он замер, не решаясь откладывать газету. Боялся, что – вот – за спиной окажется тот самый мужчина с сигарой, которого он видел всю неделю. И он обернулся – никого. Квартира была пуста. И никто не видел, как Ханс от непонятной тревоги сглотнул, крепче сжимая бумагу.

Ханс почти не спал той ночью – и сам не знал от чего. Он почти сразу выкинул обе газеты, не желая больше видеть ни одной буквы. Утром он вышел на работу – как обычно. Занимался своими делами. Но весь день искал взглядом того мужчину в толпе – безуспешно.

Ближе к вечеру юноша решился. Ханс понял, что не сможет уснуть, пока не увидит то место своими глазами. Он узнал у кого-то – уже не помнил у кого – о той самой ферме за городом. Заплатил извозчику и приехал на то самое место с фотографии. Но теперь здесь были только почти разрушенный дом и ветхий амбар. Но рядом с амбаром теперь лежали бревна – не как на фотографии – обработанные чем-то тёмным и спиленные ровными краями. Как заготовки для железной дороги, но давно забытые и брошенные.

Ханс осторожно вошёл в амбар, скрипнув высокими воротами – и ничего. Внутри на полу валялись редкие соломинки и иссохшие тюки сена. Юноша прошёлся вдоль стен, но его встретила тишина. Пока за спиной не скрипнула ворютина. Ханс резко обернулся – у косяка стоял тот самый мужчина. «Вечный» Рон с сигарой – как называли его бывшие товарищи. Он стоял, прислонившись к косяку, и смотрел на Ханса. И не торопился что-либо говорить.

Ханс невольно попятился назад и задел каблуком что-то. Он уронил взгляд, и на полу лежала старая фотокарточка. Выцветшая, изведенная темными разводами – как из первого фотоаппарата. Но Ханс не спешил её поднимать – он просто замер, переводя взгляд с карточки на Рона.

— Ну и чего ты застыл, будто убийцу видишь? — бросил Рон отлипая от

стены.

— Разве вы не?.. — начал Ханс но запнулся. Он хотел сказать «призрак», «мертвец», «покойник» — но слова застряли в горле, хотя Рон понял всё без них.

— Я хожу, — пожал плечами Рон, подходя ближе. — Могу держать сигару в зубах. Могу наблюдать со стороны за роднёй и детьми своих товарищей и за теми, кто вернулся. Что ещё нужно?

— Но разве вы не... уходите? — осторожно спросил Ханс, поднимая карточку.

И только когда Рон подошёл достаточно близко, принимая карточку в свои руки, Ханс заметил, что тот не отбрасывал тени. Ни на рынке, ни за углом, ни под окнами — Ханс нигде не видел его тени. И грудь Рона — ни разу не вздымалась, ни разу не дрогнула. И тогда у Ханса перехватило дыхание — и крайний вздох осел паром в сыром амбаре.

— Мне некуда идти, — выдохнул Рон, вглядываясь в старую карточку одного из его товарищей. — Я — пропавший. Мне нет нигде места.

Так они и стояли там, в тишине. Ханс не мог подобрать слов. А Рон всматривался в заплывшее пятном, но знакомое лицо.

И в наступившей тишине Ханс впервые задумался — а если бы он тоже пропал? Если бы войска Остиля так и не нашли шестилетнего ребёнка в старом подвале? И никто бы не узнал, что когда-то вообще существовал этот ребёнок, который мог бы ходить мимо живых людей, но уже не быть таковым. Но ответ пришёл другим, более страшным осознанием — он уже почти пропал. Когда забывал лица, дороги, — иногда — сон.

И впервые за долгие годы Ханс испугался не войны, не смерти, а того, что его самого уже почти никто не ищет. Ведь он бы так и остался на грани — или уже не провалился бы за неё — если бы не сорвался на той самой лестничной клетке вчера — откидывая руку в сторону и повышая голос.

И Рон взглянул на Ханса — на лицо, с чьих глаз почти сошли тени — и улыбнулся. Не той натянутой улыбкой, что бывает у живых. А другой — той, что улыбаются детям — спокойной и терпеливой.

Вам не страшно? Вопрос застыл в голове Ханса, так и не решаясь сорваться с губ. Но нижняя губа всё же успела дрогнуть – прежде, чем Ханс успел её поджать.

— Ты тоже был без вести, просто продолжал дышать, — сказал Рон тихо – почти одними губами.

А с крутки Рона выбилась сухая табачная пыль. Упала на фотокарточку – туда, где были глаза.